

К БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ ДМИТРИЯ ГАВРИЛОВИЧА БУЛГАКОВСКОГО (1843 – ПОСЛЕ 1918). ДЕТСТВО, УЧЕБА, ГОДЫ ПРИХОДСКОГО СЛУЖЕНИЯ

Щеглов
Гордей Эдуардович



Белорусская академия искусств—1994; Минская Духовная Семинария, бакалавр богословия—2001; Минская Духовная Академия, кандидат богословия—2004; Магистр церковной истории—2008; Лауреат Макариевской премии—2009.

В начале XX ст. имя Д.Г. Булгаковского было известно в России как неутомимого борца за народную трезвость. Многотысячными тиражами выходили его многочисленные антиалкогольные издания. В народных аудиториях демонстрировались созданные им серии противоалкогольных световых картин, сопровождаемых специальными чтениями. «В числе энергичнейших борцов с пьянством, резко и разумно бичующих этот порок, должен быть особо отмечен о. Д.Г. Булгаковский. Оружие, каким он пользуется, это — книги и брошюры, обильно им выпускаемые...», — писал в 1902 г. профессор С.-Петербургской духовной академии Александр Александрович Бронзов¹. Несколько лет спустя тот же профессор писал: «Почтеннейший Д.Г. Булгаковский неутомимо трудится по части просвещения нашего темного люда, издавая книжку за книжкой. Особенно много сделано им для отучения народа от пьянств. Непрерывная борьба его с пьянством — несомненно, ода из лучших страниц в жизни трудолюбивого автора — страниц, какими каждый смело мог бы гордиться»².

Между тем, литературная деятельность Д.Г. Булгаковского была весьма разнообразной. Его многочисленные труды можно разделить по своему содержанию на несколько групп: религиозно-нравственные, исторические, этнографические, агиографические, против алкоголизма, на военную тематику, беллетристику и разного содержания. Из наиболее крупных трудов писателя можно назвать: «Пинчуки. Этнографический сборник» (СПб., 1890), «Домик Петра Великого и его святыня в С.-Петербурге» (СПб., 1891), «Из загробного мира. Явления умерших от глубокой древности до наших дней» (СПб., 1894), «Иссык-Кульский православный миссионерский монастырь в Средней Азии» (СПб., 1896), «Горе го-

89

К БИОГРАФИИ ПИСАТЕЛЯ
ДМИТРИЯ ГАВРИЛОВИЧА БУЛГАКОВСКОГО (1843 – ПОСЛЕ 1918).
ДЕТСТВО, УЧЕБА, ГОДЫ ПРИХОДСКОГО СЛУЖЕНИЯ

ТРУДЬ №7

Минской Духовной Академии

ремычное. Старые и новые речи против пьянства и его ужаснейших последствий и добрые советы, как избавиться от него» (СПб., 1898), «Новая русская хрестоматия с подбором статей о вредном влиянии спиртных напитков на здоровье, материальное благосостояние и нравственность» (СПб., 1901), «Вино на Руси по памятникам народного творчества литературным и художественным» (СПб., 1902), «Близнецъ» роман в 2-х частях (СПб., 1903), «В стороне от жизни. Повесть из жизни современного духовенства» (СПб., 1909), «Очерк деятельности попечительств о народной трезвости за все время их существования (1895–1909 гг.)» (СПб., 1910), «Великое былое. Воспоминания об Отечественной войне, по поводу ее столетней годовщины» (СПб., 1912) и др. Все вообще литературное наследие Булгаковского насчитывает около 170 наименований.

Свой жизненный путь Д.Г. Булгаковский начинал как священник, однако сложные внутренние процессы привели его к отказу от священного сана, в котором он пробыл более 30 лет. Поступок этот не был результатом религиозного разочарования. Булгаковский решился на этот трудный шаг исключительно ради полноты реализации в том деле, которому посвящал свои главные силы — делу народного отрезвления. Находясь 12 лет в заштате, он бездействовал как священник, оставаясь длительное время без священнослужения, и в то же время не мог вполне реализоваться ввиду своего статуса как деятель общественный. «Он хотел, — писал С.А. Венгеров, — не стесняя никого своею рясью, видеть воочию пьянственный омут во всех его видах всюду в низах и верхах общества». И действительно, Булгаковский до конца жизни остался энергичным борцом за народную трезвость и народное просвещение. Вместе с тем он всегда оставался глубоко религиозным человеком — верным членом Церкви.

Весьма любопытный и совершенно неизвестный период жизни Булгаковского представляет время его становления и пастырского служения. Именно этому периоду жизни писателя и посвящается настоящая статья.

Дмитрий Булгаковский родился 12 сентября 1843 г. в городе Елец Орловской губернии в семье псаломщика местной Предтеченской церкви, Гавриила и Екатерины Булгаковских³. Свое образование он начал в Ливенском уездном духовном училище, продолжив затем в Орловской духовной семинарии, в которой проучился всего два года. Лишившись отца, а вместе с тем и средств к существованию, Дмитрий вынужден был оставить учебу. Именно с этого времени и начинаются его нелегкие жизненные скитания.

В 1864 г., в поисках средств к жизни, Дмитрий с группой своих товарищей отправился по вызову генерал-губернатора Северо-Западного края М.Н. Муравьева в Белоруссию. Это было время как раз после подавления польского восстания 1863–1864 гг. Восстание заставило тогда правительство, да и вообще российское общество обратить внимание на то, до какой степени здесь буквально все стороны жизни были пронизаны польским влиянием и польским духом. В целях ослабления этого влияния и укрепления православно-русского начала М.Н. Муравьев предпринял целый ряд мер, одной из которых было повсеместное открытие в Западном крае народных училищ. На преподавательские должности в них приглашались воспитанники духовных семинарий из центральной России. Именно по такому приглашению и прибыл Дмитрий Булгаковский, получив учительское место в народном училище села Зачистье Борисовского уезда Минской губернии.

В то время многие воспитанники низших отделений семинарий не только русских, но и местных оставляли учебу, поступая на

канцелярскую службу в разные гражданские учреждения белорусско-литовских губерний, или сельские учителя. Довольно часто шли в учителя на два-три-четыре года, мотивируя свои просьбы об увольнении из семинарии желанием заработать деньги «на продолжение учебы», или «в пособие к полуказенному содержанию»⁴.

Прибывавшим на учительские должности предлагалось довольно приличное содержание: готовая квартира с отоплением и жалование — в селе 150 рублей, в уездном городе 200 рублей. На проезд выдавались прогонные деньги на одну лошадь, а также подъемные от 25 до 60 рублей каждому⁵. Кроме того, приезжим обещались разные права и привилегии по службе, что впрочем, как выяснилось впоследствии, оказалось большим преувеличением.

Получив учительское место с окладом 12 рублей 50 копеек в месяц, Дмитрий Булгаковский устроился еще на должность волостного писаря с жалованием 10 рублей и ссыпкой 30 четвертей в год разного хлеба, что составляло по тогдашним ценам сумму в 120—150 рублей. Содержание это ему, бывшему воспитаннику малообеспеченной Орловской семинарии, где в то время не особенно баловали, давая на завтрак хлеб и воду, показалось «большим вознаграждением», особенно при тогдашней дешевизне «на все предметы житейского обихода»⁶. Вскоре, однако, когда первое впечатление от достатка прошло, он понял, что сделал большую ошибку, бросив учебу. Перспектива остаться на всю жизнь недоучкой его чрезвычайно огорчила. Да к тому же его «искренним и всегда постоянным желанием» было окончить курс наук в семинарии, «чтобы потом удостоиться пастырского сана».

После года преподавания в сельском училище Булгаковский подал прошение Минскому архиепископу Михаилу (Голубовичу) с просьбой о зачислении его для продолжения учебы в Минскую духовную семина-

рию. Благодаря личному участию владыки он продолжил учебу, будучи принят в семинарию на полное казенное содержание. Мало того, владыка Михаил, заметив усердие Булгаковского, взял его в число своих иподиаконов, что дало юноше еще дополнительную материальную поддержку. В течение двух лет своего иподиаконовства, до увольнения в 1868 г. Преосвященного Михаила на покой, он выполнял обязанности «книгодержца».

Первые годы учебы Дмитрия в Минской духовной семинарии пришлось на время ректорства в ней архимандрита Афанасия (Турчановича), назначенного в начале февраля 1865 г. на место переведенного в Псков архимандрита Николая (Трусковского). Всего несколько лет прослужил отец Афанасий в Минской семинарии, однако за этот непродолжительный срок сумел произвести в ее жизни целый ряд преобразований и улучшений, зарекомендовав себя весьма энергичным человеком.

Следует несколько подробнее остановиться на деятельности архимандрита Афанасия (Турчановича) по управлению Минской семинарией, потому как именно с его именем связано начало публицистической деятельности Булгаковского.

Вступив в должность ректора, отец Афанасий в первую очередь обратил свое внимание на учебную часть. Будучи сам высокообразованным человеком, он постарался всеми мерами улучшить умственное развитие воспитанников, для чего занялся первоначально устройством семинарской библиотеки. До него она находилась в весьма жалком состоянии, «будучи завалена устарелым книжным хламом», так что учащиеся практически лишены были возможности внеклассного чтения. Отец Афанасий мало-помалу наполнил библиотеку новыми и разнообразными изданиями. Часть книг он выписывал на собственные средства, на приобретение других поощрял учеников

делать складчины, нередко обращался за денежными пожертвованиями в пользу библиотеки к архиерею, приобретал также с разрешения Преосвященного книги на казенные деньги.

Не оставил отец Афанасий без внимания и учебный процесс, отучая, например, воспитанников от механической зубрежки. Не упускал он из вида и материальную сторону жизни учеников. Не мало стоило ему забот улучшение при скудости имеющихся средств семинарского питания. Для этого он установил внимательный контроль над расходом сумм, ассигнуемых на содержание воспитанников. Сам участвовал при закупке продуктов, и даже позволял семинаристам (старшим) делать на каждый день расписание блюд.

Во время ректорства отца Афанасия заметно улучшилась одежда воспитанников, «так что нестыдно было им показаться и на улице». Для занятий он устроил отдельно от спален специальные комнаты, так что вместо спертого, несвежего воздуха, ученики стали дышать чистым и здоровым. Особое внимание было обращено и на поведение семинаристов. При нем «не осталось и следа той распушенности, которой отличались ученики, они более или менее приучились к порядочности»⁷.

Оставил отец Афанасий след своего внимания и на семинарской больнице. До него это был тесный наемный дом, находящийся на довольно большом расстоянии от семинарии. По распоряжению ректора под больницу было отведено просторное помещение в самом семинарском корпусе. Обновились и были улучшены больничные постели, белье, питание, больничная аптека сделалась гораздо богаче. Даже семинарский врач под руководством отца Афанасия стал внимательнее относиться к своим обязанностям, «так что мнимо больные воспитанники не принимались уже более в больницу».

Между тем деятельность архимандрита Афанасия вызвала недоброжелательное отношение к себе со стороны некоторых влиятельных лиц из среды минского духовенства. Связано это было, прежде всего, с проблемами вокруг семинарской экономики, доставшейся новому ректору в большом расстройстве. Еще до его назначения в Минск в семинарии накопились значительные долги по хозяйственной части. Когда отец Афанасий вступил в должность ректора, семинарское Правление уже вовсю осаждали подрядчики и поставщики семинарии, в основном евреи, требовавшие уплаты им значительных сумм. Некоторые из них даже начали жаловаться в Святейший Синод.

Погрузившись в разбор отчетности за прежние годы, отец Афанасий вынужден был просиживать целые ночи над бумагами, в которых обнаружил большой беспорядок. Выяснилось, что часть долгов семинарии оказалась недействительной, а в других были виновны лица, начальствовавшие прежде. Кроме того, им были выявлены и некоторые отступления от плана по постройке семинарского корпуса. Дело дошло до Петербурга, и по распоряжению Синода было начато расследование, вызвавшее длинные и неприятные разбирательства, закончившиеся лишь в 1868 г. Во всем этом деле отец Афанасий занял принципиальную позицию, из-за чего приобрел себе немало врагов.

Однако деятельность архимандрита Афанасия по управлению Минской духовной семинарией прервалась его неожиданной смертью. В начале лета 1867 г. он отправился в Самарскую губернию для лечения кумысом. В дороге 20 июля он скоропостижно скончался в селе Богдановка недалеко от Самары, где и был погребен на сельском кладбище ректором Самарской семинарии архимандритом Серапионом в сослужении четырех священников.

Нерасположение к отцу Афанасию в среде начальствующих лиц в Минской епархии выразилось в том, что ему нигде не было посвящено даже маленького некролога. Ни слова...

К этому прискорбному обстоятельству не остался безучастен лишь один человек — ученик пятого класса семинарии Дмитрий Булгаковский. В конце ноября он отправил редактору газеты «Виленский Вестник» М.Ф. Де-Пуле некролог, посвященный отцу Афанасию, с сопроводительным письмом. «Вполне оценивая добрую деятельность О. Афанасия, — писал он, — бывшего Ректора Минской Духовной Семинарии, я, как великорус, обучающийся в этой семинарии, не могу, после 4-х месячного молчания здешних уроженцев, не сказать несколько слов о его заслугах в пользу семинарии. Мы со всех сторон здешнего духовенства слышим очень неблагоприятные отзывы о его деятельности, это объясняется очень просто. О. Афанасия здешнее духовенство не любило, как преобразователя здешних оплеченных нравов и обычаев. О. Афанасий своею энергическою деятельностью, стал ему, что называется, поперек горла.

Понимая направление Вашей газеты, я лщу себя надеждою, что Вы не откажетесь напечатать этот некролог»⁸.

Юноша просил редактора уведомить его, будет ли напечатан некролог, чтобы в случае отказа предложить его «в один из духовных журналов». «Печатать моей фамилии я не желаю, по известным Вам причинам», — прибавлял он в конце своего письма.

2 декабря некролог, посвященный отцу Афанасию (Турчановичу) был опубликован в «Виленском Вестнике»⁹ за подписью «Z».

«Прошло более четырех месяцев после смерти покойного, — начинался некролог, — но никто из той среды, в которой он действовал около 3-х лет, не почтил его па-

мяти добрым словом. Быть может, в покойном не было тех качеств, кои могли бы вызвать теплое о нем воспоминание, и потому, быть может, каждый за лучшее счел осудить себя, по древней пословице: “de mortuis aut bene, aut nihil”¹⁰, на строгое молчание? Но не так было на самом деле. Правда, что очень многие до сих пор не воздерживаются пятнать его честное имя, распуская о нем самые неблагоприятные слухи. Но чем объяснить упорное молчание лиц, в среде которых он действовал? Неужели тем только, что он был между ними человек новый, прибывший из великорусских губерний?

Нужно быть близоруким, чтобы не видеть тех благотворных перемен в Минской семинарии, которые произвел о. Афанасий»¹¹.

Далее Дмитрий Булгаковский с теплым чувством обрисовывал заслуги покойного перед Минской духовной семинарией, заканчивая свой некролог словами: «Дай Бог, чтобы побольше было таких деятелей в здешнем крае, но дай Бог, чтобы они за свои заслуги получали лучшую благодарность»¹².

Так ученик заступился за своего почившего ректора, отдав ему дань благодарности от лица всех воспитанников..

Очень рано в Дмитрие стали пробуждаться писательский талант и тяга к изучению народной жизни — его культуры, быта, традиций. Еще учеником семинарии он опубликовал в «Минских губернских ведомостях» статью «Белорусские песни. Волочebные»¹³, собранные им в Борисовском уезде в бытность преподавателем Зачистского училища.

Волочebными песни назывались потому, что крестьяне пели их, переходя от одной хаты к другой, «волочась» по селу, а сами любители таких песен назывались волочebниками. Пелись волочebные песни обыкновенно

в первый день Пасхи, после вечерни в продолжение всей ночи, а иногда даже и на другой день праздника, после утрени.

Пение волочебных песен было чем-то вроде рождественских коляд, когда группа селян, не менее 15 человек, ходила от дома к дому, исполняя свои песни за какое-либо вознаграждение. Песни пелись под окнами домов, и только в том случае, когда окна не выходили на улицу, во дворе дома. Платой за пение обычно были: кварта водки, сыр, несколько яиц и до 15 копеек денег. Водка волочебниками выпивалась в присутствии хозяев, а остальные даяния забирались с собой и делились поровну уже после окончания хождения.

Так, литературная деятельность Булгаковского, начавшись на ученической скамье, впоследствии уже не ослабевала.

В июне 1869 г. Дмитрий Булгаковский благополучно окончил полный семинарский курс по первому разряду успеваемости с почетным званием студента¹⁴. Вскоре он подал новому Минскому епископу Александру (Добрынину) прошение о своем желании принять священный сан. «Не ишу и не желаю другой должности, — писал он, — как только должности священника, к которой я с юных лет своей жизни чувствую и призвание и любовь. Благоволите мне, Преосвященнейший Архипастырь посвятить все силы сему священному служению и честно в нем трудиться»¹⁵. Вместе с тем он просил Преосвященного выдать ему «билет», то есть разрешение, на женитьбу.

Еще во время учебы Дмитрий познакомился с ученицей Минского училища девицы духовного звания Ольгой — дочерью священника Василия Терравского (†1886), настоятеля Георгиевской церкви местечка Романово Слуцкого уезда. Ольга была в числе воспитанниц первого выпуска училища. Ей было в это время 17 лет.

Получив разрешение на брак, Булгаковский обвенчался со своей избранницей 26 октября 1869 г. на приходе своего тестя в приписной Николаевской церкви. Само таинство венчания совершил священник Старицкой церкви Стефан Страхович¹⁶.

Когда Дмитрий Булгаковский подал прошение о рукоположении его в священный сан, Минская духовная консистория предложила ему священническое место в Мозырском уезде при Михалковской церкви¹⁷. Однако Дмитрий написал прошение о предоставлении ему другого прихода, ссылаясь на свою бедность и отдаленность Михалковской церкви от прихода его тестя, который мог бы помочь молодой семье. Он подчеркивал, что родители супруги как люди бедные, «могут пособить только чем-либо из хозяйства; но такая помощь невозможна при дальней перевозке». Булгаковский просил владыку Александра назначить ему вместо Михалковского прихода Морочский в Мозырском уезде, «как ближайший к приходу отца Василия Терравского»¹⁸.

После принесения ставленнической присяги и прочих формальностей Дмитрий Булгаковский 23 ноября 1869 г. был рукоположен Преосвященным Александром (Добрыниным) в домовую церковь Архирейского дома в сан диакона, а 30 ноября в той же церкви в иерея. Первым местом его священнического служения стала Успенская церковь села Морочь Мозырского уезда¹⁹, к которой он просил назначить его перед рукоположением.

Получив в консистории подъемные 30 рублей на обзаведение хозяйством, новопоставленный иерей со своей молодой супругой прибыл в декабре на Морочский приход. Всего полгода пробыли здесь Булгаковские, так как отец Дмитрий вскоре получил новое назначение и был переведен в уездный город Пинск.

1 июля 1870 г. иерей Дмитрий Булгаковский был определен вторым священником к Пинскому Феодоровскому собору²⁰. 13 сентября он был назначен учителем приготовительного класса при Пинском духовном училище. Для молодого священника это было довольно престижное назначение, свидетельствующее о его способностях.

На преподавателе подготовительного класса лежала обязанность ведения всего учебного курса, состоящего из предметов: Закона Божия (3 урока), русского языка (6 уроков), арифметики (4 урока), чистописания (3 урока), церковного пения (2 урока) — всего 18 уроков в неделю, по 3 урока ежедневно. Как видно, отец Дмитрий получал большую нагрузку, будучи занят преподаванием шесть дней в неделю. Учитывая, что каждый урок длился по 1 часу 15 минут, с перерывами по 15 минут между уроками, ему приходилось ежедневно проводить в училище четыре-пять часов.

Следует несколько слов сказать о личностных качествах Булгаковского. Без сомнения он относился к числу ревностных священников, связывая с пастырским служением самые возвышенные идеалы. Он любил церковь, любил богослужение, в тонкостях которого хорошо разбирался. Еще в семинарские годы, будучи иподиаконом владыки Михаила, он приобрел прекрасную богослужебную практику, что сам подчеркивал в своем прошении о рукоположении. Отец Дмитрий любил и ценил проповедовать. Много читал, многим интересовался. Бесспорно, он имел педагогический дар. Даже в семинарии педагогика была его любимым предметом, единственным по которому он имел аттестацию «отлично», тогда как по всем другим предметам — «очень хорошо» или «хорошо»²¹. Надо полагать, что его пастырская программа была гораздо шире традиционных для своего времени представлений, часто ограничивающихся набожностью, соблюдением церков-

ных обычаев и уставов, и прочими чисто священническими обязанностями. Не ограничиваясь лишь насаждением благочестия в душах своих прихожан, Булгаковский видел задачу священника и в окультуривании народной жизни, улучшении ее во всех отношениях. Беспросветная жизнь народа, его прозябание в темноте, грубости, нищете вызывали в нем глубокую жалость. И эта жалость в свою очередь, порождала желание послужить народу, помочь его культурному и хозяйственному развитию. Такие внутренние настроения отца Дмитрия были очень близки и созвучны зарождавшемуся в то время народничеству. Любовь и внимание к народной жизни как мы видели, проявились в нем очень рано и по мере формирования Булгаковского оформлялись в устойчивое мировоззрение. Свои народнические воззрения он пронес через всю жизнь, они пронизывали всю его разнообразную деятельность.

Сохранилось любопытное описание совершенного Булгаковским освящения нового дома, раскрывающее его внутреннее состояние как священнослужителя не безразличного к быту, укладу жизни своих прихожан. Требу эту, освящение жилища, он совершил впервые лишь через девять месяцев после своего рукоположения. По просьбе крестьян деревни Козлякевичи, расположенной в двух верстах от Пинска он 28 октября вместе с псаломщиком освятил два дома.

Впечатления, полученные им при совершении этого обряда, Булгаковский посчитал нужным записать в журнале церковных служб Феодоровского собора. «Пусть следующие священнослужители, — писал он, — перечитывая страницы этого духовного памятника, видят, как религиозен был наш православный мужичек при данном обряде, в известное время, и сравнивают с ним его сына, внука и вообще дальнейшее его потомство»²².

Булгаковский отмечал, что в «простолюдинах, хозяевах дома», нельзя было не заметить определенных качеств. Они твердо верили, что после освящения дома Бог пошлет им свою благодать на долгую и счастливую жизнь. Питали глубокую надежду, что с окроплением святой водой Он сохранит жилище на долгие годы невредимым. В изображаемых ими (углем или мелом) на всех четырех стенах крестах видели божественную силу на «прогнание злаго духа».

Отец Дмитрий замечал также, что вера эта в небесные дары, и надежда получить их от Бога выражалась не только словами, но самим делом. В обоих домах Булгаковский застал семьи в полном составе, «от мала до велика, от младенцев до главы дома, благоговейно стоящими пред святыми иконами». Перед образами и перед крестами на стенах горели свечи, на столе лежали хлеб, соль, мед, масло и другие домашние продукты. Когда началось освящение, с молитвой церковного причта «слилась молитва семьи». «Кто как умел молиться Богу, так и молился, — вспоминал Булгаковский, описывая общую атмосферу, — <...> на лице каждого семьянина видна была духовная радость, которой нельзя было не радоваться священнослужителю». На вопрос отца Дмитрия, для чего при освящении кладутся на стол хлеб, соль и другие продукты, один из крестьян ответил: «Мы батюшка, молим Бога, чтобы Он — наш Кормилец, когда этот хлеб и все, что лежит на столе, окроплено будет святою водою, дал нам счастье, а сам ведь знаешь, батюшка, если Бог даст нам хлеб, вот наше и счастье»²³.

«Записывая это, — отмечал отец Дмитрий, — я думаю, что искренняя передача всякого подобного впечатления, как бы это впечатление не было бедно по своему содержанию, не бесполезно для будущего пастыря Церкви. Ведь неоспоримо, кажется, во 1-х то, что из таких и подобных им записей составлялись и составляются полные истории религиозного состояния народа

известного времени, а во 2-х, из записей такого рода можно выводить тот или другой урок, которым не замедлит воспользоваться деятельный пастырь Церкви»²⁴.

Журнал церковных служб, куда Булгаковский записал свои впечатления, только-только был заведен при Феодоровском соборе. Журналы эти вводились тогда по инициативе Минского архиепископа Александра (Добрынина) во всех церквях епархии. Прежде по распоряжению его предшественника владыки Михаила (Голобовича) при церквях были заведены тетради, в которые священники должны были записывать содержание произносимых ими проповедей или поучений. Однако эта «полезная мера» к побуждению священников ревностно заниматься проповеданием Слова Божия», через некоторое время была почти совершенно оставлена или забыта. Владыка Александр решил оживить эту традицию, но уже в виде «особых журналов», скрепляемых благочинными. В этих журналах должно было записываться каждое совершенное богослужение с указанием подробностей: какое богослужение, в какой день совершено, кто совершил, какое поучение и о чем было сказано и пр. Рекомендовалось так же указывать и другие особенности, например большое стечение народа, присоединение к православию иноверцев, а кроме того, чем-либо замечательные записи из этих журналов предлагалось вносить в церковные летописи²⁵.

Как видно, отец Дмитрий Булгаковский подошел к этому нововведению не формально. Он увидел в нем возможность не просто сухо фиксировать статистику богослужений известного прихода, а запечатлеть живой религиозный опыт. И действительно, первая же запись сделанная им обратила на себя внимание, и была опубликована в «Минских епархиальных ведомостях»²⁶, в качестве примера не формального, а желательного подхода к записям в заводимых журналах.

Между тем, едва минул год служения молодого священника, как ему пришлось столкнуться и с другой стороной приходской жизни, а именно с хозяйственными спорами и недоразумениями, так часто омрачавшими жизнь сельского духовенства. Мелочные и нудные разбирательства, склоки, претензии, ссоры, порождаемые главным образом бедностью сельского духовенства, вынужденного наравне со своими прихожанами кормиться крестьянским трудом, подрывали энергию пастырей, угнетали дух, приземляли их интересы, а порой и роняли их авторитет в глазах пасомых.

Уже через пол года после выезда отца Дмитрия с Морочского прихода его настигло неприятное разбирательство по поводу проданного им сена. Дело в том, что отец Дмитрий, перед тем как выехать на новое место в Пинск, отдал часть положенного ему приходского сена своему тестю, а часть продал крестьянину Стефану Гавруку. Однако новый священник Михаил Юхневич не отдал это сено крестьянину, а воспользовался им для своих хозяйственных надобностей. Оставшись ни с чем и не получив вразумительного объяснения по поводу происшедшего, крестьянин подал жалобу в духовную консисторию о взыскании с Булгаковского или Юхневича сена или денег. Началось неприятное разбирательство, потребовавшее объяснений, переписки, разных хлопот и ненужных переживаний. Каждая сторона представляла свои резоны. Однако, в конце концов, поступок Юхневича был признан неправомерным и с него были взысканы деньги в пользу крестьянина.

В начале марта 1871 г. отец Дмитрий согласно резолюции Минского Преосвященного был назначен членом и казначеем свечного склада Пинского духовного училищного округа. 24 сентября он был переведен с должности учителя приготовительного класса на должность учителя русского и церковно-славянского языка в других

классах Пинского духовного училища²⁷.

Уже в октябре того же года Булгаковский был удостоен от архиерея благодарности «за усердие и труды по должности наставника училища» с внесением в формулярный список²⁸. Кроме того, в клировой ведомости в графе о том, какого он поведения и усердия было записано: «очень хорошего» — аттестация максимально лестная.

Несмотря на свои священнические обязанности, педагогическую и административную нагрузку в училище, различные семейные и хозяйственно-бытовые проблемы, занимавшие ум, отнимавшие силы, отец Дмитрий тем не менее находил время для литературных трудов.

Преподавая в Пинском духовном училище русский и церковно-славянский языки, Булгаковский столкнулся с проблемой в отношении учебных пособий. Особенно остро эта проблема чувствовалась в подготовительном отделении, в частности при изучении русской орфографии. Будучи человеком действия, он решил восполнить этот пробел, взяв на себя труд по составлению соответствующего пособия. Результатом этого опыта стало вышедшее в 1873 г. его «Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных школ и людей, не учивших грамматики»²⁹, ставшее первым самостоятельным изданием Булгаковского.

Составлено оно было в виде самоучителя, оказавшись первым и единственным опытом для своего времени. Руководство имело много оригинальных сторон. В частности, для примеров правописания автор широко воспользовался народными пословицами, одной из причин чему была их краткость. Из сборника В.И. Даля Булгаковский подобрал на каждый случай правописания в качестве примера по несколько пословиц. Их краткость вместе с тем позволила не растягивать излишне и само руководство.

По мысли Булгаковского, пословицы были хороши тем, что охотно читались, а по содержанию для каждого были понятны и очень многие из них могли быть полезны.

«Мы позволяем лстыть себя надеждою, — писал отец Дмитрий в предисловии к своему изданию, — что наше популярно-практическое руководство о правописании, единственное в своем роде, может быть полезным для тех начальных школ, в которых не изучается русская грамматика. Не будет, мы думаем, эта книжка, лишнею и для школ, где изучается грамматика, потому что наши объяснения о правописании нисколько не противоречат правилам грамматики, а скорее послужат к более легкому и сознательному усвоению их»³⁰.

После издания книги, отец Дмитрий представил ее в Учебный комитет при Святейшем Синоде с прошением о том, не будет ли «признано полезным поместить ее в список книг для училищ». Книга была передана для отзыва члену комитета священнику Петру Лебедеву, который, указав несколько несущественных замечаний, вполне положительно оценил ее. На основании этого отзыва Учебный комитет рекомендовал книгу в качестве учебного пособия для воскресных школ при духовных семинариях, а также мужских и женских духовных училищ³¹.

Это было достижение.

Труд Булгаковского не остался без внимания со стороны высшего духовного начальства. В 1873 г. за усердие в пастырском служении он был награжден набедренником и благословением от Святейшего Синода с грамотой.

15 февраля 1874 г. отец Дмитрий был назначен настоятелем Свято-Николаевской церкви села Купятичи Пинского уезда на место священника Феликса Дружиловского, переведенного на место Булгаковского

в Пинский собор. Перемещение это было совершено согласно прошению обоих священников, однако вскоре омрачилось взаимными хозяйственными спорами по поводу посевов, огорода, дров и пр., спорами, затянувшимися более чем на два года³².

Село Купятичи располагалось в 12 верстах к северо-востоку от Пинска, на правом берегу речки Ясельды. Замечательно это место было тем, что в 1180 г. здесь в лесу была обретена чудотворная икона Божией Матери, ставшая со временем весьма известной. Представляла она собой небольшой медный крест, на одной стороне которого была изображена Богоматерь с Предвечным Младенцем, а на другой — Распятие. Вскоре на месте явления иконы была построена церковь, сожженная впоследствии татарами. Вторично икона была обретена через много лет на месте сгоревшего храма случайным путником по имени Иоаким. Крестьяне перенесли тогда крест-икону в сельскую церковь. В 1629 г. при церкви с целью укрепления православия против унии был устроен Введенский-Преображенский Купятицкий мужской монастырь. Впоследствии монастырь был приписан к Виленскому Свято-Духову монастырю, а в 1723 г. захвачен униатами. Православные иноки, покидая обитель, забрали с собой Купятицкую чудотворную икону Богородицы, перенесли ее в Киево-Софийский собор. В начале XIX века монастырь в Купятичах был упразднен, а его церковь обращена в приходскую. В 1867 г. на месте этой обветшавшей церкви была построена и освящена новая во имя Святителя Николая. В церкви хранилась старинная копия (деревянное резное изображение), сделанная с увезенной в Киев чудотворной иконы Божией Матери. Украшена икона была богатым с драгоценными камнями обрамлением. С 1864 г. в приходе стал ежегодно совершаться 15 ноября праздник в честь Купятицкой иконы Божией Матери. При Купятичах находилось древнее кладбище — «Монастырь» — место древнего Введен-

ского монастыря. В версте от села имелось еще одно любопытное с исторической точки зрения место — могила епископа Пинского и Туровского Кирилла Терлецкого, одного из главных зачинателей Брестской церковной унии³³.

Еще со времени переезда в Пинск, Булгаковский начал заниматься собиранием произведений местного народного творчества: песен, пословиц, поговорок, загадок и пр. И теперь на сельском приходе, в Полесской глуши, он мог отдаваться этому занятию в полной мере. Жители Пинского уезда — пинчуки или полешуки — сразу обратили на себя внимание отца Дмитрия своим самобытным укладом жизни, обычаями и в особенности языком, отличавшими их «от всех других» жителей Минской губернии. Он заметил, что их живой говор и старинные памятники словесного творчества практически не подпали под чуждое (польское) влияние в сравнении с другими жителями Минской губернии и вообще Северо-Западного края. Этому во многом способствовала местность их расселения, окруженная лесами и непроходимыми болотами, «делая их неподвижными и замкнутыми в самих себя», причув пинчуков «недоверчиво относиться ко всему, что лежит за пределами их лесов и болот». «Побывать в уездном городе, — писал Булгаковский, характеризуя местных жителей, — составляет целое событие для пинчука на всю его жизнь. Губернский же город Минск пинчуки считают уже “поганою Литвою”, где, по их представлениям, живут ляхи-католики. Благодаря этой уединенности и замкнутости, пинчуки в целостности сберегли древне-славянский тип, перенесенный из отдаленной русской старины»³⁴.

О Пинщине в науке и литературе в то время совсем было мало еще известно, из-за чего об этой части Полесья, его природе и обитателях держались самые странные и фантастические представления. Пинчук представлялся таинственным, угрюмым че-

ловеком, про которого всем был известен давнишний рассказ, будто на вопрос, что он за человек, он отвечал: «я не человек, я — пинчук»³⁵. И вот эта мало изученная местность давала всякому исследователю обильнейший разнообразный материал.

Не остался обделен этим материалом и Булгаковский. Результатом его собирательских трудов стал этнографический сборник «Пинчуки», о котором подробно будет сказано ниже.

Назначение на сельский приход не стало препятствием отцу Дмитрию в его преподавательской деятельности в Пинском духовной училище, так как Купятичи находились недалеко от Пинска. Между тем у него стал назревать конфликт со смотрителем училища Виктором Тарановичем.

Все началось с преобразования в 1874 г. училища в учебно-административном отношении согласно уставу 1867 г. После преобразования училища его содержание должно было почти целиком лечь на духовенство училищного округа. В связи с этим, ища возможность ужать бюджет училища, его Правление подготовило проект, согласно которому сокращались расходы на библиотеку, одежду и питание учеников, упразднялась должность надзирателя (ввиду малолетства училища), а также урезалось жалование учителю приготовительного класса³⁶. При утверждении проекта Минский Преосвященный распорядился оставить должность надзирателя, считая ее «не только не излишней, но и необходимой для большей успешности учеников». Мысль эта, кажется, была подсказана владыке смотрителем, который ходатайствовал о назначении на должность надзирателя учителя чистописания и пения Лашкевича, согласившегося исполнять ее за 160 рублей в год.

Одновременно с административным переустройством, последовало преобразование

и училищного штата, но произошло оно несколько странным образом. Смотритель училища решил взять всю экономическую часть в собственные руки, назначив при этом на должность казначея училища свою жену, а на должность эконома — свою мать. Таким образом «все ключи от училищного денежного сундука, а равно и самый сундук» оказались в руках смотрителя. Примечательно, что эта «странная» кадровая расстановка произошла с молчаливого согласия училищного Правления, которое теперь понятия не имело о финансовом состоянии училища. Единственный кто возмущался таким явным административным злоупотреблением, был отец Дмитрий Булгаковский. Бессильный что-либо изменить на месте, он решил действовать посредством печатного слова, написав анонимную заметку в петербургскую газету «Современность»³⁷, в которой рассказал о произошедших в Пинском училище «изменениях».

«Все в руках нового преобразованного штата, — писал он, — и горе тому, кто дерзнет, заявить какой бы то ни было протест против тех или других действий нового штата нашей училищной администрации, к составу которой отчасти примыкает и надзиратель училища господин А [ашкевич], известный под именем смотрительского “протеже”. Впрочем, деятельность последнего состоит главным образом в пропагандировании смотрительского полновластия по экономической части училища. О том же, как действия упомянутой училищной администрации отзываются на содержании учеников, у нас не достает духу говорить»³⁸.

Другую заметку о злоупотреблениях Тарановича Булгаковский опубликовал в газете «Новости», подписавшись на этот раз «Д. Б-ковский». Хотя заметка в «Современности» была опубликована анонимно, а в «Новостях» подписана сокращенным именем, училищной администрации стало известно кто их автор. Заметки эти, конечно

же, не могли ей понравиться, так как Булгаковский не только обличал в них смотрителя, но задевал и членов Правления, назвав их «молчальниками».

Несмотря на публичную огласку дел в Пинском училище, никакой реакции со стороны епархиального начальства не последовало. Видимо у В.Ф. Тарановича были в епархии сильные покровители. Так, например, в Минской духовной консистории служил чиновником некто Евстафий Григорьевич Таранович, долгое время бывший письмоводителем архиепископа Михаила (Голубовича), возможно родственник смотрителя. При тогдашней консисторской системе такое родство могло быть исключительно важным фактором в решении разных конфликтов и спорных вопросов. Ведь именно чиновники канцелярии составляли экстракты дел, излагали их ход, наводили справки, выставляли статьи закона. Большинство постановлений предварительно заготавливалось столоначальниками и уж затем предлагалось консисторскому присутствию для принятия решения. Вот как характеризует консисторских чиновников того времени протопресвитер Георгий Шавельский: «Консисторские [чиновники] — сплошь и рядом недоучившиеся семинаристы, и того ниже — закончившие свое образование курсом духовных училищ, изловчившиеся в канцелярском крючкотворстве, заучившие консисторские законы и почти всегда далекие от понимания истинно церковного духа и истинных задачах Церкви. Это были люди шаблона, формы, буквы, рутины, но не творческой мысли и животворящего духа»³⁹. В консисториях, кроме того, по воспоминаниям Шавельского, процветало взяточничество, а правда не уживалась. Брали там все: и секретарь с чиновниками, и заслуженные протоиереи — члены консистории; брали с правых и виноватых; брали деньгами и натурой: чаем сахаром, медом, вареньем, всякого рода живностью — индюками, гусями, поросятами и т.д.⁴⁰. Оттого далеко не всегда там

можно было добиться правды, быть услышанным.

Настроенный с предубеждением к смотрителю училища Булгаковский вскоре нашел новый повод заподозрить его в «нечистоплотности».

Весной 1874 г. в Пинске закрылась свечная фабрика «Боте и К°», а вместе с ней и местная свечная лавка, что негативно отражалось на доходах местного духовенства. По этому случаю В.Ф. Таранович убедил окружное духовенство, а затем и епархиальное начальство, в необходимости открыть свечную фабрику, вместо закрывшейся, при Пинском духовном училище. По мнению Тарановича это было выгодным для окружного духовенства, которое ввиду преобразования училища не в состоянии было бы содержать его за свои средства после закрытия прежней свечной лавки. Устройство фабрики было отнесено на счет церкви округа, каждая из которых должна была внести заимообразно по 15 рублей, а так же передать весь воск и огарки, которые фабрика обязывалась возвратить в течение 2—3 лет по частям готовыми свечами⁴¹.

В конце октября отец Дмитрий Булгаковский согласно предписанию благочинного представил в комитет свечного завода 25 фунтов воска и 15 рублей, «но не получил уведомления, которое бы могло служить документом расхода церковных денег и воску». Затем он осведомился, что в разносной книге было записано: «15 рублей и 23 фунта получил Таранович». Цифра денег, как показалось отцу Дмитрию, «была выставлена с поправкой наводящей сомнения или подозрения», а количество воска записано на два фунта меньше⁴².

О своем «открытии» отец Дмитрий поспешил сообщить депутатам проходившего 20—23 января 1875 г. окружного училищного съезда, обвинив В.Ф. Тарановича в при-

своении себе церковного воска. «Ненужно, кажется, особенных догадок или предположений, — заявлял Булгаковский, — чтобы понять надлежащим образом изложенное отношение Комитета к делу. Заправляющий делами свечного завода и Комитета, Смотритель Училища Виктор Таранович вероятно из личных каких-либо соображений нашел нужным неясно выставить в разносной книге количество полученных денег, уменьшить количество воску, проставив без надлежащего уведомления. Но господин Смотритель упустил из виду тот основной административный закон, что в деле службы не может иметь места личное произвольное соображение. Такое его отношение к делу едва ли терпимо со стороны законности и едва ли окружной Училищный Съезд может допустить»⁴³.

В свою очередь возмущенный поступком Булгаковского Таранович обратился с жалобой, правда, почему-то только лишь через четыре месяца, к Минскому архиепископу Александру (Добрынину). Относительно обвинений в свой адрес он пояснил, что 23 фунта воска в разносной книге вместо 25 фунтов указанных в расписке, записаны по «принятому в заводах обычаю сбрасывать 2 фунта на угар» с каждых 20 фунтов. Скидка эта была сделана мастером в присутствии подателя денег и воска крестьянина села Купятичи Кондратия Михайловича Иголки. Таранович сообщал, что не знает, куда Булгаковский дел его расписку, хотя та ему по свидетельству многих лиц была передана. «Таким образом, — писал он, обращаясь к владыке, — священник Булгаковский намеренно оклеветал меня в подлоге и краже. Мало того он опозорил меня в газете “Современность” и, как мне передано, в газете “Новости”, где он подписался “Д. Б-ковский”. К этому надо прибавить и то, что священник Булгаковский за неделю до съезда распускал слухи по городу, на что имею свидетелей, что он назначен по училищу следователем для рассмотрения моих злоупотреблений»⁴⁴.

Таранович заявлял, что за оклеветание его перед съездом Булгаковский заслуживает придания гражданскому суду, а как автор оскорбительных корреспонденций дает право жаловаться на него прокурору С.-Петербургского окружного суда. «Имея однако в виду то обстоятельство, — продолжал Таранович, — что священник Булгаковский может быть не оставлен без наказания, вполне им заслуженного <...> и надеясь, что Ваше Пресвященство не допустит, чтобы духовенство безнаказанно так несправедливо клеветало на меня безо всякого права и основания, осмеливаюсь нижайше просить Милостивейшего Архипастыря не оставить несправедливое отношение священника Купятичской церкви Димитрия Булгаковского без расследования и должного наказания»⁴⁵.

Конфликт со зрителем Пинского училища повлиял, видимо, на то, что отцу Дмитрий 1 сентября 1875 г. был переведен «согласно прошению» вторым священником в Воскресенский собор города Борисова и назначен законоучителем уездного училища⁴⁶.

Вскоре в «Минских епархиальных ведомостях» была опубликована проповедь, с которой отец Дмитрий обратился к прихожанам во время своего первого богослужения в Борисовском соборе⁴⁷.

В основу проповеди им был положен евангельский возглас «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви Бога и Отца и причастие Святаго Духа буди со всеми вами». Раскрывая смысл этой апостольской молитвы-пожелания, он указал на значение в жизни христианина благодати Божией, изъяснил, в чем заключается любовь Бога Отца, сказал о важности для духовной природы человека приобщения к дарам Святого Духа. «Примите же от меня это благожелание в простоте своего сердца, — заключал свое слово отец Дмитрий, — как идет оно к вам из глубины души вашего

нового пастыря. Примите все: и родители и дети, богатые и бедные, образованные и необразованные, люди чиновные и вы земледельцы. Пусть же эти апостольские слова послужат верным залогом моего богоугодного служения в сем храме и его братии и залогом вашего преуспевания в вере и добрых делах, чтобы нелицемерно предстать нам пред лице Всеправедного Пастыреначальника и Господа Иисуса Христа»⁴⁸.

Однако всего год пришлось прослужить Булгаковскому в Борисове. Какие-то причины побудили его искать перевода в Литовскую епархию, который и состоялся в августе 1876 г. Между тем отъезд его омрачился новым конфликтом, возникшим на этот раз с местным судебным следователем Черепановым.

Господин этот, недавно назначенный на должность, неоднократно обращался по роду своих обязанностей к отцу Дмитрию для приведения свидетелей перед допросом к присяге⁴⁹, требуемой законом. Это было обычной практикой, но Черепанов досадил отцу Дмитрию тем, что делал свои приглашения не очень корректно. Он посылал за священником безо всякого предварительного уведомления то городского, то кого-либо из свидетелей, причем делал это, совершенно не согласуясь с тем, что отец Дмитрий может быть занят своими священническими обязанностями. Неоднократно он посылал за Булгаковским в праздничные и воскресные дни, когда тот «по должности священника приготавливался к совершению литургии». Отец Дмитрий не раз сообщал о таких «оскорбительных вызовах» благочинному — настоятелю Борисовского собора протоиерею Роману Пастернацкому, но каждый раз слышал от него лишь «успокоительные советы».

В конце концов ситуация привела к конфликту, случившемуся уже в пору сборов отца Дмитрия к переезду на новое место служения. 9 августа Черепанов в очередной

раз послал полицейского десятского пригласить Булгаковского в собор для приведения к присяге собравшихся там для дачи показаний свидетелей. Но в это время отец Дмитрий, только что вернувшись из училища после продолжительных вступительных экзаменов, а так же «совершив некоторые духовные требы», чувствовал себя «совершенно изнуренным и не вполне здоровым и потому лег в постель отдохнуть». Поэтому его домашние отказали прибывшему десятскому, не решившись тревожить отца Дмитрия. Узнав об этом, следователь вторично послал полицейского с требованием непременно разбудить священника, что и было сделано прислугой. Однако отец Дмитрий, подумав, что не будет противозаконным, если следователь сначала допросит свидетелей, а затем пришлет их для приведения к присяге, и тем более нуждаясь в отдыхе, отказался тотчас выполнить просьбу следователя. Между тем, не ожидая возвращения десятского, Черепанов прислал своего писаря с письменным требованием, но бумага домашними отца Дмитрия не была принята, по случаю отсутствия его жены и безграмотности прислуги. Вечером к Булгаковскому пришли некоторые из свидетелей — его прихожан и рассказали, что следователь прямо при них угрожал отдать отца Дмитрия под суд. Следователем действительно был составлен по поводу всего случившего акт, в котором дело было представлено так, будто Булгаковский умышленно уклонился от своих законных обязанностей.

Такой оборот дела, то есть угроза судебного разбирательства, совсем не входил в планы отца Дмитрия, «сидевшего» как говорится «на чемоданах». Ввиду этого он поспешил отправить Минскому губернскому прокурору отношение, в котором описал обстоятельства конфликта. «Вследствие сего, — писал в заключение Булгаковский, — честь имею покорнейше просить Ваше Высочородие, не найдете ли возможным в ограждении достоинства моего сана и в

устранение подобных оскорбительных требований со стороны судебного следователя Черепанова на будущее время, учинить зависящее распоряжение вызывать меня для приведения свидетелей к присяге не чрез городовых, как виновного или подсудимого, а чрез письменное сообщение и насколько возможно заранее до совершения обряда, по крайней мере одновременно со свидетелями, так как я при своих разнородных и многосложных занятиях удобнее мог бы располагать временем»⁵⁰.

Благочинному протоиерею Роману Пастернацкому, он подал по поводу произошедшего инцидента рапорт с приложением копии отношения к Минскому прокурору, прося передать ее Преосвященному Александру. Он также просил отца Романа ходатайствовать со своей стороны об ограждении как себя, так и подведомственного ему духовенства на будущее время «от подобных оскорбительных поступков» судебного следователя Черепанова. «Я по настоящее время переносил его оскорбительные выходки, — писал отец Дмитрий благочинному, — в надежде, что господин Черепанов, быть может, по новости своей службы опрометчив. Но последнее его противозаконное отношение ясно показало мне, что он намерен продолжить свои отношения ко мне с тем, чтобы унижить сан священника даже в среде прихожан»⁵¹.

Препровождая на следующий день рапорт Булгаковского владыке Александру, благочинный писал, что со своей стороны считает уважительным в отношении отца Дмитрия то обстоятельство, что Черепанов действительно неоднократно требовал последнего для приведения к присяге свидетелей в то время, когда он приготавливался к богослужению и когда приводимые к присяге уже были допрошены. «В данном же случае господин Судебный следователь поступил неблагоприятно, — подчеркивал благочинный, — посылая два раза городского за священником с приказанием не-

медленно требовать священника для приведения к присяге без повестки и угрожая священнику в среде его прихожан, что за не явку его, он следовательно предаст священника суду и поспешил затем составить протокол об уклонении будто бы священника от своей обязанности. А, потому донося об этом грустном отношении Гражданского чиновника к священнику, имею честь ходатайствовать, во 1-х чтобы священники, судебными следователями были приглашаемы для привода к присяге повестками, а не чрез городских или десятских, которые по своей неразвитости извращают слова и мысли в делаемых им поручениях; 2-х чтобы священники были приглашаемы к приводу присяг насколько возможно раньше совершения сего долга, и не в ту минуту, когда народ уже собран и ждет присяги, так как священник может быть отвлечен более уважительным исполнением своих духовных обязанностей»⁵².

В конце августа Булгаковский уехал из Борисова на новое место служения в город Свислочь Волковысского уезда Гродненской губернии, где получил назначение на должность законоучителя и преподавателя русского и церковно-славянского языков Свислочской учительской семинарии⁵³.

Уже после отъезда отца Дмитрия Минская духовная консистория (1 сентября) разбирала инцидент по поводу его отказа явиться к приведению свидетелей к присяге. Посчитав объяснения священника «не заслуживающими уважения», консистория постановила сделать Булгаковскому выговор о чем «сообщить для зависящего распоряжения в Литовскую Духовную Консисторию, а судебного следователя уведомить». Решение это было продиктовано исключительно буквой закона, не сообразуясь с реальными обстоятельствами и ходатайством благочинного, оправдывавшего действия Булгаковского. И здесь, кажется, уместно привести суждение протопресвитера Георгия Шавельского о традиционной конси-

сторской практике принятия решений: «В своих суждениях, велениях и распоряжениях она прежде всего руководствовалась не Евангелием, Кормчей или Книгой правил, а статьями консисторского устава, правительственными и губернскими распоряжениями и в лучшем случае — указами Св. Синода. Не пастырский, а формально-канцелярский дух господствовал в ней»⁵⁴. Между тем Преосвященный Александр, подписывая консисторский журнал, наложил на этом постановлении следующую резолюцию: «замечание священнику Булгаковскому, выбывшему из епархии, не делать»⁵⁵. Этот милостивый жест сохранил репутация Булгаковского на новом месте.

В это же время было прекращено дело, касающееся конфликта Булгаковского и Тарановича. Закрыто оно было ввиду того, что Таранович не представил требуемых консисторией «основательных фактов к изобличению священника Булгаковского в оклеветании его Тарановича пред окружным духовенством и оскорбительных для него корреспонденций», а также по случаю перемещения отца Дмитрия в другую епархию⁵⁶.

Находясь в Литовской епархии, Булгаковский служил на приходах Гродненщины. Не прекращал он и свою литературную деятельность. В этот период выходят его книги и брошюры: «Жизнь и страдание св. великомученика Димитрия Мироточивого»⁵⁷, «Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии»⁵⁸, «Напутное молодому русскому солдату»⁵⁹, «На память христолюбивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее»⁶⁰, «Храм Божий и его священная важность для христиан»⁶¹, «Молитва — царица добродетелей»⁶², «Отчего молитвы наши не всегда доходят до Бога»⁶³.

В 1888 г. отец Дмитрий был удостоен Императорским русским географическим об-

ществом золотой медали за составленный им этнографический сборник под названием «Пинчуки»⁶⁴.

Сборник этот, как уже говорилось, стал результатом собирательской деятельности Булгаковского в бытность его священником в Пинском уезде; и представлял собой собрание местных народных песен, загадок, пословиц, обрядов, примет, предрассудков, поверий и суеверий.

Присланная в свое время в русское географическое общество рукопись «Пинчуков» была с большим интересом принята там и передана на рассмотрение члену общества академику А.Ф. Бычкову. Бычков в свою очередь переслал ее в Северо-Западной отдел Русского географического общества известному ученому, председателю Виленской археографической комиссии Я.Ф. Головацкому для написания отзыва.

Головацкий составил свой отзыв в самых доброжелательных тонах, указав на многие достоинства труда. «Собранный священником Булгаковским материал достоин всякого внимания. — Писал он. — Самая страна по своему местоположению среди известных “Пинских болот”, препятствующих общению с посторонними жителями, берегла издревле “Пинчуков” от влияния чуждых элементов и помогала сохранять древний быт, перенесенный из отдаленной старины, который может дать много данных для изъяснения славянских древностей. Язык сохранил свой характер чище других стран, — в этом страшном захолустье осталось много особенностей, напоминающих старославянский и старорусский тип. Обряды, суеверия, приметы, гадания, простонародные праздники, со всеми своими обиходами, подробно вошедшими в рассматриваемый “Сборник”, пополняют наши сведения о славянской обрядности вообще и о мифических остатках старины. Труд о. Булгаковского тем важнее, что он, будучи близок народу и живя с ним, черпал

прямо из источника и записал эти сказания из уст самого народа»⁶⁵. «Желательно, чтобы труд о. Булгаковского, как труд солидный и почтенный, встретил поощрение и поддержку», — заключал свой отзыв Я.Ф. Головацкий.

Мнение его разделил и секретарь этнографического отделения Русского географического общества Ф.М. Истомин, также рассматривавший труд отца Дмитрия.

На основании полученных отзывов академик А.Ф. Бычков заключал: «Нельзя не заметить, что обнародованием подобных трудов сохраняются для будущих исследователей и памятники народного творчества, с каждым годом все более и более исчезающие, и заключающиеся в них факты бытовой жизни славянских племен, а лица, посвящающие свое время собиранию этих памятников, вполне заслуживают поощрения Общества, если в их трудах заключаются новые данные, которым предпосылается толковое объяснение. Этими достоинствами несомненно отличается Сборник о. Булгаковского»⁶⁶.

В 1887 г. по отзыву академика А.Ф. Быčkoва Русское географическое общество удостоило священника Дмитрия Булгаковского малой золотой медали, а также приняло решение об издании его труда.

К этому времени у отца Дмитрия установилась переписка с известным петербургским протоиереем Василием Михайловским, через которого он видимо, поддерживал связь с представителями научного мира. Вот несколько любопытных отрывков из писем протоиерея Василия А.Ф. Бычкову, в которых упоминается Булгаковский. 24 января 1888 г. отец Василий писал академику: «Сегодня получил я телеграмму от о [тца] Булгаковского [,] Священника села Лужков Диснен [ского] у [езда] Виленской Губ [ернии]. Он благодарит за оценку его труда, просит выслать ему медаль чрез Ви-

ленскую Консисторию»⁶⁷. В апреле того же года Михайловский пишет Бычкову: «1., Золотая медаль, присужденная автору «Пинчуков» Священнику Виленск [ой] Губ [ернии] Дисненского у [езда] села Лужков Дмитрию Гаврилов [ичу] Булгаковскому, еще до селе им не получена? Была ли она ему отправлена? А то о [тец] Булгаковский скучает без этой награды. 2., Печатается ли его труд “Пинчуки”? И когда введен отдельным изданием?

Вот с какими вопросами обращается ко мне о [тец] Булгаковский. А я к Вам, решительно судьбы Булгаковского труда»⁶⁸.

Думается, что знакомство отца Дмитрия с протоиереем Василием Михайловским во многом повлияло на судьбу самого Булгаковского. С своим петербургским покровителем отец Дмитрий поддерживал общение и впоследствии.

В 1890 г. сборник Булговского «Пинчуки» был напечатан в 13-м томе «Записок императорского русского географического общества по отделению этнографии» и в том же году вышел отдельным изданием⁶⁹.

Сборник вмещал в себя 257 разнообразных по своему содержанию песен, с их характеристикой и замечаниями об их особенностях и языке, 210 загадок с отгадками и 65 пословиц и поговорок. Кроме того, для характеристики мировоззрения пинчуков приведен был ряд местных обрядов, примет, предрассудков, поверий и суеверий, а также воззрение пинчуков на загробную жизнь. Ко всему прочему, собрание было снабжено словарем местного наречия.

Сборник был издан под редакцией Ф.М. Истомина, который написал и небольшое к нему предисловие. «Настоящий труд, — писал редактор, — является результатом собирательской деятельности священника о. Дмитрия Гавриловича Булгаковского,

который, в 70-х годах, проведя несколько лет службы в Пинском уезде Минской губернии, посвящал свои досуги посильному собиранию памятников местного народного творчества. Этнографический материал, помещенный в настоящем Сборнике, представляет интерес потому уже, что характеризует обитателей местности заведомо глухой, отделенной от остального мира непроходимыми лесами и болотами; собранный в 70-х годах, он является особенно ценным в виду того, что с тех пор произошло уже не мало перемен, в значительной мере ожививших этот уголок; существующая ныне железная дорога, пресекающая Полесье, без сомнения, не осталась без влияния на быт местн[ых] жителей, способствуя исчезновению стародавних его особенностей, забвению старого первобытного мировоззрения и замене его новым, без сомнения более просвещенным, но лишенным уже той поэтической первобытной простоты, которая навеяна Пинчукам окружающей природой — лесами и болотами»⁷⁰.

В то же время редактор сетовал, что, несмотря на ограниченность района, в собранном материале встречается иногда разнообразие в говоре, которое обусловлено местными отличиями, ввиду чего нельзя не пожалеть, что отцом Дмитрием не были отмечены своевременно более точные места записей того или иного материала. Отсутствовала также и отметка ударений, как в песнях, так и в словах вообще, что для характеристики местного песнотворчества и местного говора было бы весьма важным. «Восстановление того и другого, — писал Ф.М. Истомин, — путем сношений с собирателем не удалось, в виду того, что о. Булгаковский, переменяв место службы, не решался только по памяти восстанавливать эти существенные по своему значению отступления. Полагаем, однако, что это обстоятельство не умаляет достоинства и значения представленного здесь этнографического материала»⁷¹.

Конечно, указанный редактором пробел был очевиден с научной точки зрения. Однако надо понимать, что подобные недостатки явились следствием того, что отец Дмитрий не был ученым и не имел специальной подготовки, а был просто собирателем. Он записывал все то, что находил интересным и достойным сохранения. Интересны здесь описания обрядов «Купайлы», «Коляда», «Щедрухи» и пр. Не менее интересны воззрения пинчуков на загробную жизнь, имеющие совсем мифический характер, а также поверья о превращении людей в животных и о переходе душ. Между колядами, щедрухами и весенними песнями есть много замечательных, относящихся к эпическому периоду; некоторые даже содержат отголоски мифологической старины. Между загадками есть много поражающих остроумием и замысловатостью народного творчества.

Надо также отметить, что сборник Булгаковского замечателен не только по своему составу, но и по изложению. Написан он с большой любовью, с искренним сопереживанием радостным и скорбным сторонам нелегкой народной жизни. Поэтичность собранных произведений отразилось и на повествовании самого автора, вследствие чего весь сборник представляет собой единое органичное целое.

Не случайно Булгаковский в ряду различных культурно-бытовых особенностей жизни пинчуков, обращает так же внимание читателя на их религиозные и национальные особенности. В сознание русского общества едва еще только начинали проникать подлинные представления о Белоруссии. По понятиям среднего русского образованного человека того времени, как отмечал наш замечательный историк А.П. Сапунов, за Смоленском начиналась «Польша»⁷². Поэтому нужно было в буквальном смысле «открывать» Белоруссию как страну самобытную, уходящую своими национальными, религиозными и культурными корнями к единому древнерусскому началу.

Булгаковский не случайно отмечал в своем сборнике, что православие в сознании пинчуков воспринимается как более древнее исповедание, нежели католичество. Это народное сознание запечатлелось в его словесном творчестве, в частности в песнях. Так в одной из колядных песен, посвященных рождению Спасителя, повествуется фантастическая история о том, что когда Он родился, имя Ему было наречено «по определению духовного собора, бывшего в Киеве». Из трех имен: святой Илия, святой Зосима и Иисус Христос, Сын Божий, по порядку предложенных иерархами, Богородице понравилось последнее имя. Анализируя этот фантастический сюжет, отец Дмитрий подчеркивал: «В этом народном веровании важно то, что Киев, как мать городов русских, пользуется в глазах народа преимуществом пред другими городами, а также видно, что название владыки, усвоенное православным иерархам, известно народу вместо польского имени бискуп; видно также, что ему известен сан архимандрита, которого совсем нет в католической церкви. Верование, что имя Христу было наречено православным собором, говорит о том, что народ считает православие старше и достойнее других вероисповеданий, а знакомство его с названиями владыка, архимандрит проливает свет на то, что вера православная с ее духовной иерархией была издавна близка сердцу и языку полешука или пинчука, не смотря на страшный гнет, испытанный от католичества»⁷³.

Рассказывая о песнях пинчуков, распеваемых в летнюю страдную пору, отец Дмитрий замечал, что они должны были бы быть веселого характера, но на самом деле наполнены жалобами на нелегкую долю и судьбу. Это, по его мнению, было еще одной особенностью, касающейся жизни именно белорусского крестьянина. Тяжелая работа, награждающая в итоге труженика «довольством во всем», пинчуку не сулила в былые времена никаких радостей. Он знал, что труды его обогатят лишь пана — его помещика, знал,

что после нелегкой летней страды он останется «тем же гольшом, каким был и зимою». И именно это сознание непреодолимой бедности, несмотря на непосильные труды, сильнее и свободнее рвалось наружу, более жгуче в его душе «отзывалась его горемычность», а панская плеть чувствовалась на спине особенно больнее. «Еще понятнее будет этот летний песенный плач пинчука за чужую работу, во время летнего зноя, среди необозримых болот, — писал Булгаковский, — если вспомнить, что крепостное право более чем где-либо было невыносимо тяжело для белоруса-пинчука, бывшего в руках панакатолика, для которого он работал пять дней в неделю и только один день для себя»⁷⁴.

Вот почему Булгаковский отмечал, что пинчуки «несмотря на усиленную пропаганду полонизма и широкий простор католицизма с его жестоким насилием, остались непоколебимы Русскому Престолу и Отечеству и верными сынами Православия с его таинствами и обрядами; видим в них все то, что крепко хранят и чем дорожат братья их — великороссы»⁷⁵.

Любопытен еще один вывод сделанный отцом Дмитрием на основании своих наблюдений. Как пастырь он понимал, что те предрассудки и суеверия, которыми жил народ, конечно же, были весьма далеки от христианских понятий, и носили на себе отпечаток, напоминающий «эпоху языческой старины», несмотря на то, что христианство в этих краях было известно еще с глубокой древности. «Тайны религиозные понятия простолюдина о загробной жизни, — писал он, — безумны его суеверия о душе и связи ее с телом. И не удивительно, если по своей неразвитости он не может верно понять факта из мира, видимого, его окружающего, то тем более не доступны его пониманию умозрительные истины или отвлеченные предметы. Спросите его, как он представляет душу, для чего человек живет на земле, что будет с ним после смерти, и вы услышите от него равнодушный ответ:

«мы люди темные, откуда нам знать про это; Бог видае»⁷⁶». Между тем люди, среди которых отец Дмитрий собирал материал для своего сборника, были его прихожанами. Несмотря на их темноту и непросвещенность, он любил их и потому старался оправдать их простодушную веру. «Но при всем поразительном невежестве, — писал он, — при всей массе его суеверий, в душе его теплится искра истины, как блуждающий огонек среди непроницаемой тьмы; это, во-первых — вера в бессмертие души и, во-вторых — награда за добрые и наказание за худые дела после смерти»⁷⁶.

После выхода в свет сборник «Пинчуки» сразу же обратил на себя внимание ученых этнографов. Следует сказать, что до этого работ по этнографии Пинского Полесья было очень мало. В 1850-х годах в Ковно вышел сборник пинских песен (ок. 200) Ромуальда Зенькевича⁷⁷, довольно хороший по тому времени. Кое-какие сведения о местных говорах можно было найти в военно-географическом и статистическом обозрении Гродненской губернии П.О. Бобровского⁷⁸. В конце 1870-х годов появилось небольшое собрание пинских песен Быковского, изданное Краковской Академией Наук⁷⁹. В 1888 г. в «Русском Филологическом Вестнике» вышло небольшое исследование Карпинского «Говор пинчуков»⁸⁰. Вот практически и все.

Ввиду такой скудости сведений о Пинщине сборник Булгаковского стал важным явлением в этнографической литературе. Известный белорусский этнограф М.В. Довнар-Запольский написал рецензию на сборник, опубликованную в Москве в «Этнографическом обозрении»⁸¹.

В своей рецензии он указывал, что изучение окраинных земель Белоруссии и Малороссии является в последнее время особенно настоящим. Менее всего исследованы, из-за своей малодоступности, Пинское, Гродненское и западная часть Волынского

Полесья. Хотя этот регион мог дать обильный материал для этнографов и филологов, исследование почти не коснулось его. Между тем, подчеркивал рецензент, интересные черты полесских говоров давно уже оценены наукой и признана важность их изучения. Известно, что профессор А.А. Потехня и П.И. Житецкий видели здесь много архаичных черт малорусского наречия и отводили им значительное место в своих исследованиях.

Переходя к непосредственному разбору сборника, М.В. Довнар-Запольский так же как и Ф.М. Истомин высказывал сожаление о том, что Булгаковский не указывал в какой точно местности Пинского уезда делал ту или иную запись. «Точность записи в филологическом отношении важна в виду того, что этнографический сборник служит материалом для филологических изысканий», — писал он⁸². Это было важно еще потому, что в Пинском уезде в разных местностях замечалось большое разнообразие говоров, при одном общем характере всего звукового строя. Так, например, жители «заречья» — части уезда к югу от Припяти, имели отличия от жителей северной части уезда не только в говорах, но и в одежде и пр. Рецензент указывал на некоторые фонетические и другие неточности в записях Булгаковского, несвойственные для жителей Пинщины. «В общем, система записи заставляет желать много лучшего», — заключал он.

Если в филологическом отношении рецензент высказал в адрес сборника довольно много замечаний, то в этнографическом, напротив, обратил внимание на массу достоинств. Особо он отметил статью «Обряды, приметы, гадания, предрассудки, поверья и суеверья Пинчуков», подчеркнув ее «глубокий этнографический интерес»⁸³.

Для своего времени сборник Булгаковского оказался самым обширным трудом по этнографии Пинского Полесья. И несмо-

тря на имеющиеся в нем недостатки, его значение для развития белорусской науки невозможно переоценить.

Десять лет прослужил отец Дмитрий Булгаковский в Литовской епархии, исполняя кроме священнического служения обязанности законоучителя в различных учебных заведениях. В своей педагогической практике он часто обращался к памятникам народного творчества — пословицам, песням, загадкам, обрядам, что было известным новшеством в педагогике. За законоучительскую деятельность он был награжден по представлению попечителя Виленского учебного округа денежной премией в размере годового оклада⁸⁴.

В октябре 1888 г. отец Дмитрий по собственному прошению был переведен священником в военное ведомство и назначен «без жалования» — сначала к церкви 37-й артиллерийской бригады, а затем к церкви Чесменской военной богадельни в Петербурге, где, впрочем, прослужил всего 10 дней. 22 марта 1889 г. он был перемещен на священническую вакансию в 42-й драгунский Митавский Его Королевского Высочества принца прусского Альберта полк и назначен законоучителем полковой учебной команды.

Служба полковым священником отразилась на литературной деятельности Булгаковского. В это время им были изданы брошюры: «Поучение, сказанное 4-го ноября в день двадцатипятилетнего юбилея 37-й Артиллерийской бригады, расположенной в Селищенских казармах»⁸⁵, «Знамение Божией Матери»⁸⁶, посвященная истории Новгородской чудотворной иконы Богородицы «Знамение», «За Веру, Царя и Отечество. (Доброе слово по случаю приведения молодых солдат к присяге на верность службы, по окончании ими установленного курса обучения)»⁸⁷, «Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас армии»⁸⁸.

5 апреля 1890 г. священник Дмитрий Булгаковский вышел по болезни в заштат с отчислением в Литовскую епархию. Известно, что к этому времени он уже овдовел⁸⁹.

После выхода в заштат он посвятил себя уже исключительно литературной и общественной деятельности. Практически сразу же отец Дмитрий перебрался на жительство в Петербург, где поселился в качестве вольного священника, но без права священнослужения.

Ссылки

- ¹ Бронзов А., профессор. Библиография. Борьба с пьянством // Русский Паломник. — 1902. — №8. — С. 138.
- ² Бронзов А., проф. ... // Русский Паломник. — 1904.
- ³ Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 8.
- ⁴ Вержболович М. История Минской Духовной Семинарии. Третий период ее существования (1840—1874 гг.) // Минские епархиальные ведомости. — 1901. — №1. — С. 13.
- ⁵ Корнилов И. Русское дело в Северо-Западной крае. Вып. 1. — Изд. 2-е, проверенное и дополненное (посмертное). — СПб., 1908. — С. 64.
- ⁶ Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН (ИРЛИ РАН). Ф. 377 (С.А. Венгерова). Оп. 7. Д. 651. Л. 4.
- ⁷ Z [Булгаковский Д.]. Некролог. (Архимандрит Афанасий) // Виленский Вестник. — 1867. — №140. — С. 542.
- ⁸ ИРЛИ РАН. Ф. 569 (М.Ф. Де-Пуле). Д. 151. Л. 1—1 об.
- ⁹ Z [Булгаковский Д.]. Некролог. (Архимандрит Афанасий) // Виленский Вестник. — 1867. — №140. — С. 542.
- ¹⁰ О мертвых либо хорошо, либо ничего (латин. пословица). — Г.Щ.
- ¹¹ Z [Булгаковский Д.]. Некролог. (Архимандрит Афанасий) // Виленский Вестник. — 1867. — №140. — С. 542.
- ¹² Там же.
- ¹³ Булгаковский Д. Белорусские песни. Волочебные (записаны в Борисовском уезде Д. Булгаковским) // Минские губернские ведомости. — 1868. — №23. — С. 156—157.
- ¹⁴ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 1—1 об.
- ¹⁵ Там же. Л. 1 об.—2.
- ¹⁶ Там же. Л. 7.
- ¹⁷ Минские епархиальные ведомости. — 1869. — №20. — С. 267—268.
- ¹⁸ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 4.
- ¹⁹ Там же. Л. 12 об., 17.
- ²⁰ Минские епархиальные ведомости. — 1870. — №13. — С. 164.
- ²¹ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 33011. Л. 10 об.
- ²² Булгаковский Д., священник. Извлечение из «Журнала церковных служб», совершаемых причтом Пинского Феодоровского собора // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — №24. — С. 598.
- ²³ Там же. — С. 598—599.
- ²⁴ Там же. — С. 599.
- ²⁵ О заведении при церквях Минской епар-

хий особых журналов на записку совершаемых церковных служб // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — №19. — С. 257—258.

²⁶ Извлечение из «Журнала церковных служб», совершаемых причтом Пинского Феодоровского собора // Минские епархиальные ведомости. — 1870. — №24. — С. 597—599.

²⁷ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 40922. Л. 264 об.—265 об.

²⁸ Там же. Л. 264 об.

²⁹ Булгаковский Д., священник. Практическое руководство к наглядному усвоению русского правописания. Для начальных школ и людей, не учивших грамматики. — СПб.: Тип. т-ва «Общества польза», 1873. — VI, 90 с.

³⁰ Там же. — С. VI.

³¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 155. Д. 721. Л. 1—4.

³² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 34456.

³³ Дружилловский Феликс, священник. Из церковной летописи Купятицкой Свято-Николаевской церкви // Минские епархиальные ведомости. — 1874. — №9. — С. 283—288.

³⁴ Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губ. Д.Г. Булгаковский. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К^е, 1890. — С. V.

³⁵ Довнар-Запольский М. Женская доля в песнях пинчуков // Этнографическое обозрение. — М., 1891. — Кн. IX. — №2. — С. 42.

³⁶ Постановления Пинского окружного

духовно-учебного училищного съезда, бывшего 24—26 апреля 1874 года // Минские епархиальные ведомости. — 1874. — №11 (часть официальная). — С. 192.

³⁷ «Современность» — политическая, общественная и литературная газета. Издавалась с 1871 г., два раза в неделю, при журнале «Странник», вместо приостановившегося «Современного Листка», под редакцией протоиерея В.В. Гречулевича. Издание было посвящено преимущественно интересам Церкви и духовенства. В 1880-х гг. газета была возобновлена и выходила под редакторством А. Старчевского, с приложением: «Семейное Чтение». Последний № вышел 3 мая 1881 г.

³⁸ Из Пинска Минской губернии: патриархальность администрации духовного училища // Современность. — 1874. — №95. — С. 2.

³⁹ Шавельский Георгий, протопресвитер. Русская Церковь пред революцией. — М.: Изд. «Артос-Медиа», 2005. — С. 182—183.

⁴⁰ Там же. — С. 175.

⁴¹ Постановления Пинского окружного духовно-учебного училищного съезда, бывшего 24—26 апреля 1874 года // Минские епархиальные ведомости. — 1874. — №11 (часть официальная). — С. 188.

⁴² НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 34764. Л. 3—3 об.

⁴³ Там же. Л. 3 об.—4.

⁴⁴ Там же. Л. 5.

⁴⁵ Там же. Л. 5 об.—6.

⁴⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35092. Л. 6—7.

⁴⁷ Булгаковский Д., священник. Речь при первом служении в Борисовском соборе //

- Минские епархиальные ведомости. — 1875. — №22. — С. 641–642.
- ⁴⁸ Там же. — С. 642.
- ⁴⁹ Присяга (клятва) — религиозный обряд в гражданском процессе, заключающийся в удостоверении показаний стороны призыванием Бога в свидетеля правды. Присягающий приносил клятву именем Божиим, произнося ее в установленной законом форме перед крестом и Евангелием, с поднятием кверху правой руки.
- ⁵⁰ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35092. Л. 6 об.—7.
- ⁵¹ Там же. Л. 5 об.
- ⁵² Там же. Л. 4—4 об.
- ⁵³ Минские епархиальные ведомости. — 1876. — №15. — С. 304.
- ⁵⁴ Шавельский Георгий, протопресвитер. Указ. соч. — С. 183.
- ⁵⁵ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 35092. Л. 8.
- ⁵⁶ НИАБ. Ф. 136. Оп. 1. Д. 34764. Л. 8.
- ⁵⁷ Булгаковский Д., священник. Жизнь и страдание св. великомученика Димитрия Мироточивого. — Вильна: Скоропечатня О.С. Блюмовича, 1877. — 20 с.
- ⁵⁸ Булгаковский Д., священник. Исторический очерк Волковыска, уездного города Гродненской губернии. — Вильно: Тип. М.Б. Жирмунского, 1882 [ценз.]. — 19 с.
- ⁵⁹ Булгаковский Д., священник. Напутное молодому русскому солдату. — СПб.: Тип. Ф. Елеонского и К^е, 1884. — 15 с.
- ⁶⁰ Булгаковский Д., священник. На память христоробивым благотворителям Лужецкой Рождества-Богородицкой церкви по случаю возобновления и освящения ее. — СПб.: Тип. Е.А. Поздняковой, 1886. — 24 с.
- ⁶¹ Булгаковский Д., священник. Храм Божий и его священная важность для христиан. — М.: Тип. Л. и А. Снегиревых, 1887. — 58 с.
- ⁶² Булгаковский Д., священник. Молитва — царица добродетелей. — Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1888. — 43 с.
- ⁶³ Булгаковский Д.Г. Отчего молитвы наши не всегда доходят до Бога. — СПб.: Тип. Попечительства Имп. Человеколюб. общ., 1906. — 24 с.
- ⁶⁴ Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губ. Д.Г. Булгаковский. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К^е, 1890. — [2], VI, 201 с.
- ⁶⁵ Бычков А.Ф. Отзыв о труде священника Д. Булгаковского: «Пинчуки. Этнографический сборник» / Приложения к отчету императорского Русского географического общества за 1887. — СПб.: Тип. А.С. Суворина, 1888. — С. 33.
- ⁶⁶ Там же. — С. 34.
- ⁶⁷ Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 120 (Бычковы). Д. 958.
- ⁶⁸ Там же.
- ⁶⁹ Пинчуки. Этнографический сборник. Песни, загадки, пословицы, обряды, приметы, предрассудки, поверья, суеверья и местный словарь. Собрал в Пинском уезде Минской губ. Д.Г. Булгаковский. — СПб.: Тип. В. Безобразова и К^е, 1890. — [2], VI, 201 с.
- ⁷⁰ Там же. — С. I.

- ⁷¹ Там же. — С. II.
- ⁷² Сапунов А.П. Исторический очерк Витебской Белоруссии. — Витебск: Типо-лит. Наслед. М.Б. Неймана, 1911. — С. 3—4.
- ⁷³ Булгаковский Д., священник. Пинчуки. — С. 6.
- ⁷⁴ Там же. — С. 10—11.
- ⁷⁵ Там же. — С. VI.
- ⁷⁶ Там же. — С. 192.
- ⁷⁷ Ziekiewicz R. Piosnki gminne ludu Piskiego. — Kowno, 1851. — VII, I, 65 с.
- ⁷⁸ Бобровский П. Гродненская губерния / Сост. чл. Импер. Рус. геогр. о-ва Ген. штаба подполк. П. Бобровский. — СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1863.
- ⁷⁹ Bykowski P. Pieni obrzbowe ludu ruskiego z okolic Piska // Zbiyg wiadomoci do antropologii krajowej. — Krakuw, 1878. — Т. 2.
- ⁸⁰ Карпинский М. Говор пинчуков // Русский Филологический Вестник. Т. XIX. — Варшава, 1888. — С. 45—54.
- ⁸¹ Довнар-Запольский М. Д.Г. Булгаковский. Пинчуки. Этнографический сборник. 1890 г. (рецензия) / Этнографическое обозрение. — М., 1891. — Кн. XI. — №4. — С. 207—210.
- ⁸² Довнар-Запольский М. Д.Г. Булгаковский. Пинчуки. Этнографический сборник. 1890 г. (рецензия) / Этнографическое обозрение. — М., 1891. — Кн. XI. — №4. — С. 209.
- ⁸³ Там же. — С. 210.
- ⁸⁴ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 796. Оп. 183. Д. 643. Л. 2.
- ⁸⁵ Булгаковский Д., священник. Поучение, сказанное 4-го ноября в день двадцатипятилетнего юбилея 37-й Артиллерийской бригады, расположенной в Селищенских казармах. — СПб.: Тип. Ф. Елеонского и Ке, 1888. — 8 с.
- ⁸⁶ Булгаковский Д., священник. Знамение Божией Матери. С изображением знамени Божией Матери. — СПб.: Тип. В.С. Балашева, 1890. — 16 с.; 1 л. ил.
- ⁸⁷ Булгаковский Д., священник. За Веру, Царя и Отечество. [Доброе слово по случаю приведения молодых солдат к присяге на верность службы, по окончании ими установленного курса обучения]. — СПб.: Тип. Артил. журн., 1889. — [2], 24 с.
- ⁸⁸ Булгаковский Д., священник. Полезные советы нижним чинам, увольняемым в запас армии. — Ченстохов: Типо-лит. В. Кона и Одерфельда, 1890. — 20 с.
- ⁸⁹ РГИА. Ф. 796. Оп. 183. Д. 643. Л. 1 об.—2.